

ПРОИЗВЕДЕНИЯ национальных авторов вызывают вопрос — к какой литературе их отнести, к русской или к литературе о национальном социуме? Но, естественно, каким языком ни было бы написано произведение, всё равно оно будет пропитано духом народа, к которому принадлежит автор.

Бесспорно, написанные на русском языке романы Мухамеда Емкужева несут в себе адыгский дух, даже сверх того: автор решил удивить читателя вкраплениями кабардинских слов, которые в достатке изобилуют в обоих текстах и которые, однако, без транскрипции не читаются. Непросвещённый читатель получит отличное представление о кабардинском народе.

Однако куда интереснее не поверхностные пласты романов, а глубинные, которые соединяют нас с наднациональными, общечеловеческими ценностями, раскрывают авторский внутренний мир. В конце концов, таковы задачи настоящей литературы. Поэтому внимательный читатель находит в произведении то, что ему важно и ценно, открывает себе новые истины. Прочитав произведения Мухамеда Емкужева, действительно можно многое осмыслить: на фоне замечательнейшего описания быта, ритуалов, обрядов, мифов, легенд и пейзажа автор очень тонко и деликатно учит главным человеческим ценностям — доброте, раскаянию, справедливости, преданности отцам.

Но обо всём по порядку. В «Ночи Кадар, или Который справа» писатель отказывается от хронологических рамок и временных ориентиров (читатель, мол, по описанию быта и обычаев догадается, что действие происходит в давнем прошлом, веке эдак в семнадцатом) и в жанре философской притчи совмещает христианство, язычество и ислам. Совмещая эти религиозные пласты и дополняя их собственной философией, он показывает читателю — Бог един для всех, независимо от того, какую религию человек исповедует.

Ночь Кадар — ночь предопределения, когда Бог спускается к человеку и человек подводит итоги прошлой жизни и, соизмеряясь с ними, строит дальнейшую. В эту ночь надо молиться. Каждая ночь может быть Кадар, потому что Бог и человек творят судьбу вместе, и очень долгот путь, чтобы стать Человеком.

Главный герой претерпевает тяжкие испытания на этом пути: ему довелось стать убийцей собственного молочного брата Пагуо — он сделал это, чтобы завладеть его возлюбленной. Только в конце романа мы узнаём имя героя-преступника — Мурат (до этого он пленник, волчонок, изгой) и это очень символично, так как в полной мере являет эволюцию героя.

Вообще, мотив мести характерен не только для этого произведения, но и для той эпохи, в которой случилась история. Ведь ещё отец Мурата, Екуб, был вынужден, дабы не поступиться авторитетом и честью семьи, явиться на встречу с незнакомым всадником. Естественно, он идёт на верную гибель, и жена Аслижан, предчувствуя это, пытается отговорить мужа, но тот, хоть и понимает всю трагичность ситуации, всё равно едет. Ведь иначе его будут считать трусом. С той поры Мурат стал заложником кровной мести — это своего рода проклятье, ведь у его жизни теперь только одна цель — найти убийцу отца и отомстить.

И естественно, на смену одного несчастья приходит другое: однажды мальчика захватывают в плен всадники из села, в котором исповедуют христианство, и увозят его на чужбину. Мурат — мусульманин, и он в ужасе, когда наступает день обращения в чужую веру:

«...он сильно побледнел и лишился дара речи... причудилось ему, как слетел с плеча разочарованный ангел-хранитель... Неделю, может, и больше после этого он с опаской поглядывал на крест на макушке храма, словно оттуда со стариком шогеном явится христианский Бог и заставит его креститься».

Но это только этап в жизни Мурата. Всё-таки ему удастся вернуться в родное село через несколько лет. Тут он застаёт Пагуо, собирающегося жениться на девушке Папур, которую он, Мурат, давно знает и любит. Он совершает убийство. Оно происходит в местности, где есть перекасти-поле, и отныне они, подобно ангелам мщения, преследуют Мурата:

«...оно (перекасти-поле) подобно человеку, который в своё время покидает свой малый... мир и, одержимый своей значимостью... бросается в неизведанное».

Однажды перекасти-поле пугают его настолько, что он выдаёт свой страх перед Папур, и та обо всём догадывается. Мурата приковывают к камню, а согласно легенде, у этого камня родился главный герой адыгского эпоса, Сосруко, возвративший людям огонь. Мурат не ждёт дня, когда его отправят в изгнание, он осколком отбивает себе полступни и уходит скитаться. Читатель понимает этот поступок как осознание героем того, что на путь искупления надо вставать самолично.

Он живёт в изгнании, и о нём постепенно забывают, но однажды Мурат сталкивается с отцеубийцей — это князь Залым. Мурат ранит его из ружья, за что убит подданными князя.

Этот момент — кульминационный в романе, здесь, собственно, вся его философская развязка. Следует заметить, что автор не случайно вкрапляет курсивные вставки в роман (они разбросаны по всему тексту, а начинаются с той сцены, где жена вонзает кинжал в Мурата, узнав в нём убийцу своего первого мужа). В этих вставках описаны муки Христа глазами того, кто висел справа:

«Он обратил внимание на слова потому, что в них содержалась просьба... Не призыв небесной кары на этих людей... а именно просьба Создателя простить их!»

Мы видим преступника, который оказался одним из тех троих, которые были прибиты к крестам, в пятницу, перед Пасхой: он слышит слова, которые *«были сказаны несчастным, распятым по соседству»*, т. е. Христом, а отсюда вытекает, что, видимо, Он и есть тот, который справа.

А Мурат, распятый на акации (дереве, которое он когда-то выращивал со своим молочным братом) людьми князя, до того, как испустить дух, обнаружил на месте ангела у левого плеча самого Бога. Это свидетельство того, что он прощён:

«И тут он вспомнил, он узнал Его и... задрожал: как, каким образом он оказался рядом?... он, как и тот, который висел справа, был преступником — ощутил себя таковым, ему повезло не сказано, что оказался с Ним рядом, пусть и бессознательно, пусть и на мгновение! Когда он пришёл в себя уже на акации...»

Грешник прощён. Но надежда умерла, и никто не будет свидетелем его физических мук, никто не узнает о Пути, который он проделал, чтобы возвыситься над всеми человеческими предрассудками и осознать, что прощение есть, и, главное, Бог есть.

Второй роман, «Всемирный потоп», вполне может быть ориентирован на день сегодняшний. Как и «Ночь Кадар», не лишён множества мифологических и философских вкраплений, разве только действие переносится в современное время. А точнее в современное нам село. Автор и тут не может без нововведений — изобретает жанр колеса. Дело в том, что в романе нет глав, но есть спицы. Такое своеобразное повествование исходит из легенды о шугуше Карнее, который везёт Соль Земли и погоняет своих волов: «*Гоу, мой Джэмидэжь! Гоу, мой Псэбидэжь!.. Гоу!*» Людям же невдомёк, почему он возит свой «обычный груз» на телеге, где у каждого колеса 12 спиц, ведь у них телеги с колесами по 10 спиц. Однако же это Соль Земли! Тут стоит понимать соль ещё как суть Земли, смысл жизни — впрочем, Мухамеда Емкужева каждый поймёт по своему.

Каждая спица — отдельный персонаж — личность со своими привычками, странностями, философским взглядом на жизнь. Тут и помешанная на своих курицах и фасоли Черимат, постоянно утруждающая невестку хлопотать по хозяйству. И юная колдунья Саихат, которой предопределено было стать колдуньей (опять же вспоминаем Ночь Кадар). И старик Бекмурза, вынужденный жить в сторожке, потому что становится обузой своим сыновьям. И его друг Маленький Исмаил, который после того, как столкнулся лоб в лоб с бараном, стал мудрым. И лесник-философ Зураб, потакающий своему старшему лесничему Юсуфу. И старуха, хотевшая умереть у себя дома после уразы, а не где-нибудь в больнице среди чужих людей. Одним словом, бесконечное количество персонажей, без которых село не предстало бы во всей красе. Нельзя не отметить замечательное чувство юмора автора. Например, пришла в село «*экспедиция*» (ударение на предпоследней букве) найти алмасты, горного человека, который жил в этой местности в войну, а по ошибке за алмасты был принят пастух Жантемир:

«— Салам алейкум, алмасты.

— Уaleyкум салам, ажагуама (страшилище), шёл бы ты мимо».

В чём же трагедия романа? Люди способны разгневать саму природу и Бог не защитит их, потому что они сами виноваты:

«Ослепли, чтобы не видеть чужого укора. Оглохли, чтобы не слышать отрезвляющего окрика. Онемели потому, что не хотелось в том себе признаться».

В поисках клада и драгоценностей сельчане раскапывают священные Курганы — это кощунство! Карамурза и Мадар из-за конкуренции на рынке (яблочная лихорадка, захватившая всё село, в самом разгаре) расширяют свои участки как раз возле этих Курганов. «*А что те несколько десятков метров, что мы огородили, так сильно уменьшили святость этого места?*» — говорит Мудар. Святое место перестаёт что-либо значить. Времена и нравы меняются; не испорчена идеология только у Бекмурзы и Маленького Исмаила, которые и примут все грехи на себя.

И как следствие — потоп — гнев природы:

«*...никто в селе, как бывалый, так и молодой, — никто не думал, не гадал, что небо... вдруг станет таким низким от тяжёлых туч... Поток ворвался на кладбище. Падали подкошенные надмогильные плиты. И люди, оцепенев от ужаса, узнавали: это плита матери... та отца... а эта — деда, вон та маленькая — сына, первенца моего...»*

Любопытно также, что автор умышленно переворачивает страницы с похоронами старика Бекмурзы. Он умер в воскресенье, когда все мужчины уехали на рынок продавать яблоки, а женщины по обычаю не имеют права заходить на кладбище. Это один из самых страшных и трагичных моментов романа. Вызывает жалость и сострадание смерть Маленького Исмаила: в него попадает молния. Они оба, являясь сначала незаметными и даже лишними элементами в обществе, становятся для читателя примерами святости и высшей добродетели. В этом романе немного другая мысль, чем в первом: смерть во имя спасения человечества.

Интересны также фигуры пастухов: Жантемир во «Всемирном потопе» и Загреш в «Ночи Кадар». Они своего рода наблюдатели, хранители. Загреш, «*ангел правого плеча и ангел левого в едином лице*», обозревает сверху родное селение, знает, когда наступит дождь, несущий свою живительную влагу, — он и есть предвестник дождя; в селе его уважают за это. Жантемир — мудрый философ, «*ежедневно застывает на уступе, скрестив на длинной палке длинные кисти рук*», который, подобно ворону-долгожителю, молчаливо ведёт своё существование.

Таким наблюдателем, подобно емкужевским пастухам, и становится вдумчивый слушатель. Однако кто знает: может быть, каждая строчка отзовется в самое сердце читателю, принесёт с собой думы о вечных проблемах добродетели и греховности. Не грешны ли мы? Не забываем ли о своих близких? Живём ли благородно? А может, и в нашей жизни наступит Ночь Кадар? Не пропусти, читатель!